

КОМИЧЕСКОЕ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ А. ВОЛКОВА «ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

Я.В. Мазина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; yaninamazina@gmail.com*

Аннотация: Проводится анализ средств комического и их роли в создании сюжетных ситуаций, характеров и конфликта сказочной повести А. Волкова «Волшебник Изумрудного города», исследованы этические и дидактические функции комического в их воздействии на юного читателя. Спор о приоритетных качествах живой природы решается на уровне комического противопоставления ума/глупости — рассудочности/сердечности, а также трусости/храбрости, которые обретают дополнительную смысловую нагрузку благодаря приему парного контраста безобразного и прекрасного, наивного и высокого, приземленного и идеального, что позволяет глубже понять метафорический смысл сказочных образов. Выявлено, что комическое начало позволяет адресовать повесть-сказку Волкова читателям разного возраста — детям и взрослым, — которые осмысливают вопросы философского характера, переплетающиеся с карнавальным началом, каждый на своем уровне.

Ключевые слова: комическое; «Волшебник Изумрудного города»; детская литература; самоирония; парадоксальный характер; А.М. Волков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-12

Для цитирования: Мазина Я.В. Комическое и принципы его воплощения в повести А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 146–153.

THE COMIC AND ITS PRINCIPLES OF EMBODIMENT IN A. VOLKOV'S FAIRY TALE THE WIZARD OF THE EMERALD CITY

Yanina V. Mazina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; yaninamazina@gmail.com

Abstract: This article analyses the means of comic and their role in creating plot situations, characters and conflict within A. Volkov's fairy tale *The Wizard of the Emerald City*

Emerald City. The article examines the ethical and didactic functions of comic and their influence on young readers. The dispute about the priority qualities of living nature is resolved at the level of comic opposition of intelligence/stupidity — rationality/heartiness as well as cowardice/courage which acquire additional meaning through the technique of paired contrast between the ugly and the beautiful, the naive and the sublime, the mundane and the ideal, thereby allowing for a deeper understanding of the metaphorical significance of fairy tale images.

It has been revealed that the comic element allows Volkov's fairy tale to be addressed to readers of different ages — both children and adults — who contemplate philosophical questions intertwined with carnival elements, each at their own level.

Keywords: comic; *The Wizard of the Emerald City*; literature for children; self-irony; paradoxical character; A. Volkov

For citation: Mazina Y.V. (2026) The Comic and Its Principles of Embodiment in A. Volkov's Fairy Tale *The Wizard of the Emerald City*. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 146–153.

Жанровые возможности повести А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939) во многом определило присутствие комического начала. Известно, что у этой повести есть первоисточник, повесть Л.Ф. Баума *The Wonderful Wizard of Oz*, о характере использования которой до сих пор идут споры [Левченкова 2009; Кузина 2015; Галкина, Полева 2024], но Волков, сохранив основные сюжетные линии Баума, все же смог создать произведение особенное, обладающее своим колоритом, в том числе благодаря особенностям комического.

Проявлению комического начала во многом способствует система персонажей, основанная на сквозном противопоставлении героев, образующих пары.

Так, пара *Страшила и Железный Дровосек* построена на противопоставлении ума/глупости и рассудочности/сердечности. Этому подчинено изображение внешности, нюансов речи, мыслей и желаний. Оба персонажа являются подобием человека, и в каждом раскрываются человеческие свойства. Страшила — огородное пугало: «Чучело было одето в поношенный голубой кафтан; кое-где из прорех кафтана торчала солома. На голове была старая, потертая шляпа, с которой были срезаны бубенчики...» [Волков 1978: 24]¹. Пародию на человеческое представляет и его разрисованное лицо. В Страшילה есть элементы клоунады, сначала внешней, а в дальнейшем и внутренней. Постепенно Страшила вырастает в высокого героя, не только высказывающего умные мысли, но и обнаружива-

¹ Ниже «Волшебник Изумрудного города» цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в тексте в круглых скобках после цитаты.

ющего жизненную мудрость еще до обретения «мозгов». В его образе прослеживается типологическая общность с фольклорными героями-дураками.

Внешность Железного Дровосека также противопоставлена человеческой: «Голова его, руки и ноги были прикреплены к железному туловищу на шарнирах; на голове вместо шапки была медная воронка, галстук на шее был железный» (с. 34). В этом портрете автор реализует пародийный вариант «нового человека», «человека-машины», «всего себя отдающего решению общественных проблем» [Октябрьская 2016: 155]. Волков иронично соединяет в герое практически несоединимое — галстук интеллигента, медную воронку и масленку рабочего и т. д.

К портретной характеристике добавляется и речевая, демонстрирующая своеобразие характеров персонажей. Так, Страшила в начале книги путает слова, переполнен эмоциями и не способен выразить свои чувства, поэтому заменяет их звукоподражанием: «Пршт... Фршт... Стрш... прыбры... хрыбры...» (с. 118), смешивает разные эмоциональные отклики на происходящее — гнев, плач и хохот, каламбурит, играет паронимами: «видишь, какой я путник... то есть, нет, путаник» (с. 26). В словах «чрезвычайно сознателен... то есть признателен» (с. 26) обнаруживается на уровне подсознания принципиальная важность обретения мозгов, а оговорка «Все это отвратительно... то есть, я хотел сказать, удивительно» (с. 130) обнаруживает истинную этическую оценку поступков Гудвина.

Речь Железного Дровосека, наоборот, подчеркнута грамотна и логически выстроена. Он представляет собой существо вполне развитое, опытное и социализированное и снисходителен к тем, кто более наивен. Некоторое противостояние Страшилы и Железного Дровосека намечено с самого начала их знакомства. В спорах Дровосека и Страшилы об уме и счастье принимают участие и другие персонажи, каждый из которых выступает на стороне того или иного участника этой комичной пары. Так, Ворона представляет «рассудочную» антитезу Страшиле, а наивность Страшилы противостоит хитрости и коварству Людоеда.

Натурой и поведением Людоед противостоит Страшиле, а внешностью — Дровосеку, пародируя и того, и другого одновременно. Его внешность странная и устрашающая, но при этом комично нелепая: «Голова его походила на котел, а туловище — на бочку. У него были длинные руки, как у гориллы, а ноги обуты в высокие сапоги с толстыми подошвами. На нем был косматый плащ из звериных шкур. На голову вместо шлема Людоед надел большую медную кастрюлю, ручкой назад, и вооружился огромной дубиной с шишкой на конце, утыканной острыми гвоздями» (с. 48).

Страшила описан с добродушным юмором, направленным на привычки героя и стиль его речи. Он способен к самоиронии, которой не обладают ни Элли, ни Железный Дровосек, ни Тотошка. Самоирония предполагает трезвую самооценку, определенный уровень зрелости.

По мере развития сюжета и «взросления» героя Страшила начинает самостоятельно и оригинально думать. Так, именно ему пришла в голову мысль срубить дерево и сделать из него мост через пропасть. Постоянно подчеркивая ум якобы лишенного мозгов Страшиллы, Волков создает парадоксального персонажа (см. об этом: [Октябрьская 2016: 155]). Парадоксальное есть и в других персонажах: Железном Дровосеке, Трусливом Льве, Гудвине и Элли.

Способ создания системы персонажей, в основе которого лежит принцип парадоксального сопоставления, явно свидетельствует о том, что комическое является важным композиционным началом книги. Полемика между Страшилой и Железным Дровосеком, по сути являющаяся версией классического спора о разуме и чувстве, ведется в юмористическом ключе, что, казалось бы, снижает уровень серьезности проблемы, но именно в таком виде она понятнее ребенку.

В спор о приоритетных качествах живой природы вступает и Лев, который тоже стремится обрести то, чем по рождению должен обладать. Рефлексия заставляет Льва сомневаться в собственных силах, Трусливый Лев — парадоксальный персонаж, характер которого построен на соединении противоположных качеств: его изначально хищническая природа противопоставлена поведению и характеру персонажа, в котором неожиданно соединились природный инстинкт с вниманием и чуткостью к друзьям. Мнимое отсутствие храбрости толкает Льва на неожиданные поступки. Внутренне страшаяся любого, он грозно рычит при встрече с неизвестным существом и прикрывает свой недостаток нападением на путников. Трусливый Лев не сильно озабочен наличием у себя мозгов: «Есть, вероятно. Я их никогда не видел» (с. 53). Зато в процессе развития сюжета он проявляет находчивость и смекалку, а также храбрость. При этом его не беспокоит и «сердечная болезнь», волнующая Железного Дровосека, хотя он и не сомневается в наличии у себя сердца, наоборот, считает, что именно сердечность мешает ему быть храбрецом: «Если бы у меня не было сердца ... может быть, я и не был бы трусом» (с. 53). Таким образом, тема соотношения разума и чувства с появлением Трусливого Льва дополняется новым ракурсом: сердечность должна быть разумной и подкрепляться способностью смело защищать тех, кто дорог, поэтому в противопоставление ума/глупости и рассудочности/сердечности добавлено еще

одно звено — «храбрость/трусость». Волкову важно обратить внимание не только на наличие этих качеств у грозного хищника, но и показать, что они не зависят от силы и размера. Задиристость, безудержная храбрость и сердечная преданность хозяйке щенка Тотошки противопоставлены осторожности и пугливости Трусливого Льва. Однако Лев, как Дровосек и Страшила, борется с важной для него дилеммой: мечтая стать таким же храбрым, как саблезубые тигры, он опасается перенять их кровожадность и беспощадность, вместе с трусостью боится утратить свои милосердие, отзывчивость, доброту. Он никого не презирает, а испытывает сочувствие и нежность к другим, но боится это показать открыто, иронизируя над самим собой: «Смешное животное, — сказал Лев. — Только такой трус, как я, и мог напасть на такую крошку...» (с. 53). Кульминацией сомнений Льва становится сцена перед тронным залом Гудвина, где он стремится получить смелость, хотя и переминается с ноги на ногу. Сама храбрость сосредоточена в странном напитке — смеси шипучего кваса с валерьянкой, который призван, не причиняя вреда самой природе Льва, уравновесить его желания, придав герою энергию, храбрость и предприимчивость и одновременно спокойствие и рассудительность.

Элементы комического проявляются не только в речи, поведении и внешности персонажей, но и на уровне сюжета, создавая комизм положения. Наивный Страшила оказался висящим на шесте посреди реки без опоры под ногами. Спасает его Аист, при этом комично тщеславие персонажа, которому приятно помогать другим, особенно когда это не стоит ему большого труда (с. 67). Волков высмеивает гордыню Аиста, описывая, среди прочего, и его мимику: «— Я подумаю, — важно сказал Аист и закрыл правый глаз. Но левый глаз он закрыл еще раньше» (с. 66).

В комическое положение попадают и Мигуны, вынужденные по приказу злой колдуньи Бастинды вступить в бой с Трусливым Львом: «у них и не было никакого оружия, и они вооружились кто кастрюлей, кто сковородником, кто цветочным горшком, а некоторые громко хлопали детскими хлопушками» (с. 103). Утрированный образ горе-войска создается на основе несоответствия обычных представлений о правильном вооружении — сниженной реальности, где вместо оружия используются бытовые предметы.

Принцип комического несоответствия реализуется также и в противопоставлении главной героини Элли и Железного Дровосека. Оба они сердечно и наивно относятся к друзьям и спутникам, но в желаниях своих они различны: девочка по-детски хочет домой к родителям, а Железный Дровосек хочет вернуть себе сердце, чтобы вернуться к возлюбленной. Образ девочки не производит коми-

ческого эффекта, скорее наоборот, она представлена слишком серьезной для ребенка. Тотошка комичен, так как в нем очевидно несоответствие внешней незначительности внутренней готовности защитить хозяйку. При этом Тотошка, как и другие персонажи, по ходу развития сюжета существенно меняется, что сказывается на использовании средств комического. Если вначале автор активно обращается к иронии и юмору, показывая, как, к примеру, Тотошка лает на тучи, будто пугает их, а сам боится грозы, то постепенно такой принцип изображения меняется, хотя совсем Волков не отказывается от легкой иронии и добродушного юмора при изображении характера и поступков Тотошки. Например, впервые увидев щенка, Трусливый Лев обращает внимание на поразившее его противоречие: «Скажи, какая маленькая, а ведь храбрая!» (с. 53). Смешна и завышенная самооценка щенка: «У нас в Канзасе все собаки такие! — с гордостью молвил Тотошка» (с. 53). Но и у гордеца есть слабое место — желание свести счеты «с соседским щенком, хвастунишкой Гектором» (с. 53).

Главы первой части книги в значительной степени посвящены знакомству с персонажами и демонстрации комических несоответствий в их образах. По мере приближения их к Изумрудному городу автор все меньше пользуется приемами мягкой иронии и юмора, все больше усиливает сатиру. Так, Дин Гиор, солдат, призванный охранять дворец Гудвина, основное время проводит в любовании собственной бородой и уходе за ней, поэтому место оружия в его руках занимают «зеркальце и гребешок» (с. 83). Осмеиваются и придворные: «В зале рядом с тронным собрались придворные кавалеры и дамы в нарядных костюмах. Гудвин никогда не выходил к ним и не принимал их у себя. Однако в продолжение многих лет они каждое утро проводили во дворце, пересмеиваясь и сплетничая; они называли это придворной службой и очень гордились ею» (с. 87).

Сатирически изображены не только отдельные правители как носители зла и противники свободы, система власти как таковая. В стране Мигунов после гибели злой волшебницы Бастинды встал вопрос о новом правителе. Предложение выбрать Железного Дровосека отражает пренебрежительное отношение избирателей к власти: «Подумайте и о том, как удобен такой правитель: он не ест, не пьет и, значит, не будет обременять нас налогами. И если он пострадает в битве с врагами, мы сможем почистить его: у нас уже есть опыт» (с. 120).

Соотношение комического и фантастического в «Волшебнике Изумрудного города» находится в обратной зависимости: по мере возрастания фантастики во второй части книги доля комизма, наоборот, уменьшается. В третьей части комическая фантастика за-

мещается весьма снисходительной иронией, не только подводящей итог приключениям героев, но выражающей отношение автора к жизни и власти: воплощение мечты, исполнение желаний чаще всего приводит к умиротворению персонажа и его опошлению: «Сделавшись правителем, Страшила сразу осуществил свои давнишние мечты: он завел себе зеленый бархатный костюм и новую шляпу, к полям которой приказал подшить серебряные бубенчики от старой шляпы; на ногах у него блестели ярко начищенные зеленые сапоги из самой лучшей кожи» (с. 144).

Образ Гудвина тоже воплощен через призму сатиры и парадокса: правителем центрального города волшебной страны становится цирковой артист, который благодаря своим трюкам, умению манипулировать другими и знанию человеческой психологии сумел стать Великим и Ужасным, внушить страх и веру в свое могущество. Комичны и отрицательные персонажи в своем стремлении наказать неповинующихся, но при этом страдающие разными фобиями, к примеру, как Бастинда, боязнью воды.

Итак, комическое в повести представлено разнообразно: это и простодушная насмешка, и сатира. Антитезе «ум/глупость» и «рассудочность/сердечность» последовательно подчинены изображение внешности персонажей, нюансы речи, передача мыслей и желаний. Автор использует приемы реализации метафоры, эксцентрики, порой достигающую фантастических размеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А.М. Волшебник Изумрудного города. М., 1978.
2. Галкина Т.В., Полева Е.А. Рукописи А.М. Волкова как ключи к пониманию развития авторского замысла сказки «Волшебник Изумрудного города» // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2024. Вып. 4 (234). С. 154–168.
3. Кузина Ю.В. Система художественных образов в сказочной повести Л.Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz», ее переводе на русский язык С. Белова и русскоязычной литературной интерпретации А.М. Волкова: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
4. Левченкова О.С. Особенности переводов-переложений в русской детской сказке 1930–50-х гг. // Голоса молодых ученых. Сборник научных публикаций иностранных и российских аспирантов и докторантов-филологов. М., 2009. Т. 22. С. 43–52.
5. Октябрьская О.С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М., 2016.

REFERENCES

1. Volkov A.M. *Volshebnik Izumrudnogo goroda* [The Wizard of the Emerald City]. Moscow, *Izdatel'stvo "Sovetskaya Rossia"*, 1978. 176 p. (In Russ.)
2. Galkina T.V., Poleva E.A. *Rukopisi A. M. Volkova kak klyuchi k ponimaniyu razvitiya avtorskogo zamysla skazki «Volshebnik Izumrudnogo goroda»* [The Manu-

scripts of A.M. Volkov as Keys to Understanding the Development of the Author's Concept in the Tale "The Wizard of the Emerald City". *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2024. no. 4 (234), pp. 154–168. (In Russ.)

3. Kuzina Yu.V. *Sistema khudozhestvennykh obrazov v skazochnoj povesti L.F. Bauma «The Wonderful Wizard of Oz», eyo perevode na russkij yazyk S. Belova i russkoyazychnoj literaturnoy interpretacii A.M. Volkova*. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. [The System of Artistic Images in L.F. Baum's Fairy Tale "The Wonderful Wizard of Oz", its Translation into Russian by S. Belov, and the Russian Literary Interpretation by A.M. Volkov. Abstract of the Thesis]. Yekaterinburg, 2015. 22 p. (In Russ.)
4. Levchenkova O.S. Osobennosti perevodov-perelozhenij v russkoj detskoj skazke 1930–50-h gg. *Golos molodykh uchyonnykh. Sbornik nauchnykh publikacij inostrannykh i rossijskikh aspirantov i doktorantov-filologov* [Features of Translations and Adaptations in Russian Children's Fairy Tales of the 1930s–50s. Voices of Young Academicians. Collection of Academic Publications by Foreign and Russian Postgraduate and Doctorate Students in Philology]: Moscow, MAKS Press, 2009. Vol. 22, pp. 43–52. (In Russ.)
5. Oktyabrskaya O.S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoj sistemy v russkoj detskoj proze 1920–50-h godov*. [The Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Prose of the 1920s–50s.] Moscow, MAKS Press, 2016. 248 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 14.12.2025

Отредактирована 19.03.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 14.12.2025

Revised 19.03.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Янина Владимировна Мазина — старший преподаватель, факультет глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова; yaninamazina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Yanina V. Mazina — Senior Lecturer, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University; yaninamazina@gmail.com